

Двое герольдов волокли привязанное к их мали тело Самшеза обратно к своим людям, а третий вёл за собой оставшегося без всадника скакуна. Они так и не смогли отцепить руку знатного юноши от рукояти, также, как и вытащить клинок из его головы. В таком виде посланника царя было бы трудно закинуть на спину верхового животного, а испытывать судьбу, оставаясь рядом с дерзким воином в чёрном плаще, не хотел ни один из глашатаев Аравада. Поэтому они наспех повязали тело за щиколотки и потащили по песку словно какого-то бродячего пса, а не наследника знатного рода. Когда они остановились перед своим генералом, то смиренно опустили головы вниз, ожидая команды.

Абу Манзи махнул рукой солдатам позади него. Четверо ближайших выскочили вперёд и принялись отвязывать тело посланника, а после понесли его между шеренгами к стану, где стоял небольшой шатёр погибшего с его слугами.

Генерал проводил процессию взглядом, а затем повернулся к герольдам.

— Кто он? И как посмел нарушить священную традицию мирных переговоров? — прогремел старый воин, сверля взглядом ни в чём не повинных всадников с копьями.

Они наконец подняли взгляд на своего генерала и один из них замямлил:

— Он не назвался, мой генерал. Даже не открыл лица. Лишь только... — герольд замялся, решаясь произнести следующие слова, — Предложил армии сдаться, а после оскорбил покойного Самшеза и... — парень громко сглотнул, — нашего великого Царя.

Брови генерала сомкнулись. Он продолжал грозно глядеть на закончившего доклад глашатая, а потом посмотрел ему за спину, вперив взгляд в едва различимое тёмное пятно, что мелькало между двух башен перед открытыми воротами.

Ещё один герольд осмелился внести свою лепту в историю товарища:

— У него изысканный клинок с рунами, — начал он, и Манзи тут же принялся сверлить его глазами, — Он невероятно быстр и силен. Мы даже не увидели, что произошло, пока хаж Самшез не рухнул на песок, погибнув от собственного клинка, — закончив речь он снова опустил глаза, но тут же поднял их, вспомнив ещё одну важную, по его мнению, деталь. — У него был северный акцент. И говорил он слишком грубо. Этот воин явно не из этих земель.

В этот момент к ним приблизился белоснежный мали и Царь Аравад, только что покинувший свой заметный издали красочный шатёр с золотистым расшитым узором на стенках. Он поинтересовался:

— Что произошло, Манзи? Где Самшез?

Все трое герольдов опустили головы и гораздо ниже, чем это было при разговоре с одним лишь генералом. Абу Манзи, не поворачивая головы, сказал:

— Его убил тот бродяга перед воротами. Причём оружием самого хаж.

Аравад прищурился, вглядываясь вдаль, а затем с наигранной яростью в голосе объявил:

— Бесчестный выродок! Как он посмел нарушить неписанный закон о мирных переговорах перед битвой?

Не купившийся на этот спектакль Манзи сухо бросил:

— Видимо, не мы одни наплевательски относимся к традициям.

На этот раз ярость на лице царя была неподдельной. Казалось, что он готов вот-вот выхватить свой меч и сразить старого брюзгу. Трое герольдов, что чувствовали жар не только в воздухе, но и в обстановке вокруг, покрепче сжали поводья, испугавшись, что и их может настигнуть гнев владыки.

Аравад решил простить генералу эту дерзость в присутствии солдат, переведя свой гнев в сторону убийцы его глашатая.

— Отправь небольшой отряд малитов. Пусть поймают наглеца. Лучше живьём, но можно и не церемониться, если будет слишком бойким. Тело пусть притащат сюда. Мы его четвертуем и будем таскать кусочки за мали на потеху нашим славным воинам.

Манзи обернулся к своему правителю и хотел было возразить, ибо жестокая расправа над одним единственным защитником города не казалась ему чем-то воодушевляющим. С ним бы согласилась большая часть солдат, учитывая обстоятельства, при которых они собирались захватить Дарсиду. Но он решил придержать недовольство при себе, чтобы ещё раз не выставлять царя в плохом свете перед подчинёнными.

— Будет сделано, мой Царь, — отозвался генерал.

Он уже развернул своего мали и хотел было тронуться в сторону верховых, как его окликнул Аравад, дополнив свой приказ:

— Постой! Поручи это задание всадникам Каралла. Пусть его малиты привезут бродягу сюда.

Манзи встал на месте и развернулся. Услышав уточнение, он лишь кивнул в ответ, и подозвал одного из офицеров, приказав доставить волю царя самому Караллу Санкри — двоюродному брату Аравада.

Теперь противное и неуместное желание владыки прилюдной казни казалось вполне логичным. Он хотел выставить своего родственника в плохом свете, послав его людей на выполнение грязного задания. Народ увидит, как малиты «кровожадного» Каралла расправляются с несчастным, и это пагубно скажется на репутации хажы. Никто ведь и не подумает, что за этим стоял Аравад, когда воины в цветах его двоюродного брата будут разрывать на кусочки северянина.

Каралл был одним из немногих хажей, кто выступал против войны. И с особым рвением доказывал свою точку зрения по поводу нарушения священных традиций. Но, оказавшись в меньшинстве, как и все остальные последовал за своим царём в этот поход. Иначе бы у Аравада появилась возможность обвинить брата в измене и избавиться, наконец, от надоедливого кузена. Аравад был не так глуп, как могло показаться изначально, и решил действовать исподтишка, планомерно уничтожая репутацию Каралла.

Спустя несколько минут девять всадников в чёрной броне с красными шестиконечными звёздами на наплечниках и нагрудниках пронесли через передовую шеренгу, выполняя приказ своего господина, навязанный жаждой Аравада насолить брату.

Человек в чёрном плаще заметил приближение мали с всадниками. Он развязал прочный шнурок возле шеи, что удерживал плащ, и взял в правую руку свою саблю, левую же вооружив вычурным кинжалом, держа его за рукоять остриём вниз. Капюшон разведало от порывов ветра, и иногда на свету мелькало лицо с длинными чёрными сальными патлами и угольно-

чёрными глазами. Дейан был готов к сражению.

Один из малитов вырвался вперёд, обогнав остальных и намереваясь первым нанести сокрушительный удар по дерзкому незнакомцу.

Лишь первые три шеренги могли издалека наблюдать за этим боем, что для солдат казался лишь бессмысленной тратой времени и довольно нечестной схваткой. И они были всецело правы.

Бесстрашный малит словно наконечник стрелы мчался на фигуру в плаще, издавая устрашающий, по его мнению, крик. Когда до цели оставалось чуть более десяти метров, странник вдруг рванул навстречу. Настолько быстро, что оказался у морды мали ещё до того, как его накидка упала на землю. Казалось, что фигура просто растворилась в воздухе, отчего плащ медленно спускался на песок, сохраняя форму владельца. Невидимый удар по наконечнику копья направил оружие вниз, и оно воткнулось в землю. Всадник ещё не успел разжать руку и отпустить древко, как Дейан взбежал по нему вверх и одним молниеносным движением срубил голову смельчака. Обрубок, разбрызгивая кровь, полетел назад и упал в седло скачущего следом бойца. От неожиданности тот устался на лицо своего товарища, что ничуть не изменило своего выражения, продолжая с грозной гримасой и открытым ртом глядеть вперёд. Он не заметил летящий в его сторону тёмный силуэт, что, вытянув перед собой саблю, пронзил грудь воина и скинул его назад. Дейан приземлился ногами на опустевшее седло, пальцами левой руки схватившись за упряжку. От сильного удара и инерции, что потянула животное назад, мали тут же затормозил и встал на дыбы. Шея зверя была тяжёлой и крепкой и не только выдержала рывок, но и не дала завалиться ему на спину.

Оставшиеся малиты, проскакав вперёд, остановились или пошли на круг, в надежде обойти невероятного прыгуна. Первыми пали как раз те, кто встал на месте. Тёмная фигура взбежала по креплениям седла всё ещё вытянувшегося на задних копытах вверх мали и оттолкнулась от морды, взмыв ввысь. Солнце слепило лучами из-за спины Дейана. Копейщики прикрывали глаза руками, поэтому почти все выпущенные в сторону летящей угрозы копья прошли мимо. Одно из них всё же ударило по щитку на предплечье странника, вспоров кожаную защиту и оставив кровавый порез на левом плече.

Двое всадников так и не поняли, что их сразило, а третий успел вытащить меч, надеясь сразиться с дьяволом, что сейчас нёсся на него, оставляя за собой в воздухе след из кровавых капель. Дейан приближался с левой стороны, и боец даже успел перекинуть свою саблю в другую руку и заблокировать первый удар, но клинок противника почти не ощутил сопротивления и оттолкнул препятствие в сторону, срубив ногу малита возле колена и оставив глубокий порез на боку животного.

Мали не сдержал себя в приступе боли и отскочил вправо. Его хозяин, лишившись опоры с одной стороны, завалился набок и упал за землю лицом вниз. Он попытался встать, оттолкнувшись руками, но одно из копыт раздавило его левую ладонь, а затем остальные принялись месить его тело, пока предсмертные вопли бедолаги совсем не стихли.

Один из четырёх малитов, что обошли противника кругом, выпустил своё копьё. Дейан стоял на месте и казался прекрасной мишенью, но в момент броска он вдруг подкинул свою саблю в воздух. Полсекунды позже он дёрнулся назад и вправо, перехватывая древко на лету, и тут же описал оборот вокруг себя, отправив снаряд обратно в своего владельца. Тот успел подумать о том, что это невозможно и нельзя двигаться с такой скоростью, а потом принялся машинально прижимать дыру в шее, из которой маленьким фонтанчиком била кровь. Он так и проскакал вперёд мимо странника, что уже подхватил упавшую вниз саблю. Всадник продолжал сжимать

рану, пока его глаза не угасли, а тело не свалилось на шею скакуна, уцепившись бронёй за сбрую.

Трое оставшихся малитов остановились в нерешительности. Тот, что был посередине, окрикнул соратников, и те принялись обходить врага, надеясь атаковать одновременно с двух сторон. Командовавший ими наездник с рассечённой ещё в молодости глазницей рванул на Дейана, намереваясь протаранить того грудью мали или заставить отскочить в сторону и дать своим воинам шанс нанести удар.

Бродяга выжидал на месте, пока зверь не оказался прямо перед ним. Первым движением он отрубил передние копыта, вторым — задние. Ревущий мали воткнулся мордой в песок, а его зад начал переваливаться вперёд. Всадник, тем не менее, не растерялся, высвободив ноги из стремени, и кувырнулся в сторону, тут же выхватив короткий меч и нож. Он подло кинул маленькое оружие в спину Дейана, что ожидал синхронной атаки оставшихся верховых солдат. Не оборачиваясь, странник завёл саблю назад, плашмя отбив летящий нож, а потом кинул свой кинжал в одного из приближавшихся малитов, отразив удар второго. Чудное лезвие-клык вонзилось в плечо бойца, из-за чего тот отвёл свой меч в сторону и схватился за торчащую из тела рукоять другой рукой.

Всадники поменялись местами и принялись разворачиваться, пока их офицер отвлекал на себя Дейана. Старый одноглазый мечник наносил удары, проверяя защиту противника и не давая тому глядеть по сторонам на приближающихся малитов. Один из его ударов прорезал воздух, не встретившись с саблей Дейана, после чего тот схватил замешкавшегося старика за предплечье и потянул на себя. Бродяга перекатился на спину, уперев ногу в живот одноглазого, и подкинул мужчину в воздух, когда наездники совершили совместный удар. Один из них успел среагировать и отвести клинок, второй же полоснул командира по голове, проломив череп возле уха.

Дейан отбросил тело за себя, продолжая выполнять перекат назад, и, оттолкнувшись руками, снова принял вертикальное положение. Раненный малит, что нанёс удар своему офицеру, в ярости позабыв о тактическом манёвре, бросился на странника. Дейан поддел лезвием песок и кинул им в лицо солдата. Тот пронёсся мимо, не успев ударить, и начал больной рукой тереть глаза, что доставило ему немало неудобств, если не говорить ещё и об острой боли в плече, затуманившей разум.

Последний малит понял, что его преимущества больше нет, и просто спрыгнул на землю, выхватив два коротких меча из-за пояса. Он медленно подходил к Дейану, с опаской поглядывая на опущенную вниз саблю. Тот стоял к нему боком, всем своим видом показывая пренебрежение к противнику. Малит не выдержал такого обращения и махнул мечом, намереваясь вспороть руку наглеца. Всё, что он увидел, так это блеск стали, после чего один из его клинков улетел прочь. Он перекинул оставшееся оружие в правую руку и начал обходить Дейана, подгадывая удачный момент. Когда солнце было у него за спиной, он провёл ещё один выпад. Очередная яркая вспышка, и горло воина было перерезано. Бродяга, что стоял у него за спиной, отвёл клинок и двинулся к единственному выжившему из всего отряда бойцу.

Красными, раздражённым глазами малит наблюдал как его товарищ упал сначала на колени, а потом рухнул наземь всем телом. Охватившая его паника заволокла сознание, он с надеждой посматривал в сторону огромной армии своих сотоварищей, надеясь укрыться там от непобедимого существа, что с такой лёгкостью одолело весь его отряд.

Он уже поднял руку, намереваясь ударить поводьями и унести прочь, но остановился, когда

чувство достоинства взяло верх над страхом. Вместо унижительного бегства он решил спуститься с мали и, глядя в лицо черноволосому дьяволу, вскинул своё оружие.

Наблюдая за раненым и истекающим кровью противником Дейан почтительно кивнул головой, отдавая дань уважения отваге и доблести раненого воина. К удивлению странника, воин сделал тоже самое в ответ.

Генерал Абу Манзи наблюдал за происходящим через подзорную трубу. Бесстрашный малит Каралла Санкри побежал, вскинув меч, на темноволосого человека, а затем неожиданно рухнул. Хоть генерал и не заметил фатального удара, но уже всецело осознал, что никто из отряда, что должен был сыграть постыдную роль в хитром плане царя Аравада, уже не вернётся.

Сам владыка снова отлучился в свой шатёр, ожидая прибытия карателей в тени и наслаждаясь сладкими фруктами.

Морщинистый напряжённый лоб старого Манзи, казалось, застыл как камень. Он наблюдал за схваткой издали и, хоть и не видел всего произошедшего из-за поднявшейся в воздух пыли, сейчас всё же пришёл к мысли, что единственный защитник Дарсиды не какой-то там простой северянин без манер и уважения к традициям.

— Малов! — подозвал он своего помощника.

Темнобородый мужчина в красном тюрбане и коричневом кафтане с белой вышивкой приблизился к нему сзади верхом на своём мали.

— Да, мой генерал, — отозвался он.

— Сообщи Царю, что казнь уже состоялась, — угрюмо проронил Манзи.

Малов на мгновение замешкался, а генерал спустя пару секунд добавил:

— И все палачи уже лежат в песке, ожидая встречи со Всевышним.

Малов ничего не ответил, лишь спешно двинулся в сторону королевского шатра. А старый генерал остался на месте, не спуская глаз с открытых ворот, перед которыми стоял ужасный чёрный цепной пёс.

Шам Аз встал у самого края скалы и, радостно вздохнув, распростёр свои руки в приветствии. Дейан остался стоять позади, поглядывая из-за спины мужчины на широкую и на удивление полную зелени долину внизу.

— Родная Дарсида! — сомкнув веки, выдохнул мужчина. — Здесь любому найдётся пристанище. И блуднице, и пьянчуге, и безумцу. А потерянных душ здесь... — он открыл глаза и повернулся к патлатому страннику, — Скажем, ты здесь будешь не одинок.

Дейан ещё раз поглядел на пышный город. Дома в нём были почти все сделаны из песчаника. Плоские крыши не очень высоких строений (не больше трёх этажей) уже подсвечивались закатными лучами солнца. Такое ограничение было неспроста, ведь, находясь в каньоне, было трудно сохранить улицы светлыми, особенно когда светило довольно рано пряталось за горами. Да и нельзя было забывать про луну, что помогала подсвечивать город по ночам, раскрывая

взору непотребства, что творились здесь после заката.

Дейан был заворожён зрелищем, хоть и не подавал вида. Поддавшись любопытству, он спросил у своего проводника:

— А почему здесь так много...

Он не успел договорить, ибо Шам Аз опередил его:

— Зелени? — широкая улыбка расплылась на лице толстячка, когда он ощутил, как холодное сердце странника оттаяло. — Вокруг города, да и в самой долине множество пещер с источниками пресной воды. Когда-то здесь проходила река, многие тысячи лет назад. Но почва сохранила свою плодovitость, подпитываемая скрытыми под землёй каналами, — Шам Аз остановился и почесал бороду. — Конечно, тут бывает настоящий потоп после дождя, но в этих землях сам знаешь, как с осадками. Сколько Всевышнему не молись, он всё равно не пошлёт влагу с небес чаще раза лет эдак в пять.

Дейан внимательно слушал мужчину, а сам рассматривал большое пятно почти в самом центре долины, что выделялось практически полным отсутствием зданий. Шам Аз проследовал за взглядом собеседника и тут же заметил:

— Да, это главная площадь Дарсиды. Замечательное место, особенно по вечерам, когда часть поля перекрывают и можно от души поиграть в фуркол.

Дейан расщедрился ещё на одно слово:

— Фуркол?

Пухлый мужчина поправил шнурок на куфии и удивлённо выдал:

— Ну, фуркол. Игра такая с мячом и воротами. Надо чтобы мяч попал в них, и кто получит больше очков...

Дейан продолжал смотреть на Шам Аза, не понимая, шутит ли тот или говорит всерьёз.

— Пропашие же люди живут на севере. Как же вы там развлекаетесь? А как деньги зарабатываете? Или у вас и про азартные игры ничего не знают?

— Знают, — сухо отозвался странник, всё ещё обдумывая фразу про фуркол.

Шам Аз лишь покачал головой и продолжил спуск.

— Ладно, как-нибудь сам увидишь. Мы, кстати, будем проходить через площадь. Моя лачуга на том конце города, так что, если повезёт, я тебе всё покажу.

Часть пути они провели в тишине, если не считать пыхтений и вздохов полного мужчины. Вскоре впереди у обрыва показались большие корзины, подвешенные за толстые канаты. Человек возле скромной палатки рядом с корзинами привстал, заметив путников. Когда Шам Аз с Дейаном подошли поближе, привратник, одетый в светло-серый бишт, заговорил первым:

— Каждый раз уходишь в эти горы и всегда возвращаешься с какой-то находкой.

Шам Аз весело ответил:

— Видимо, пророки шепчут мне в уши по ночам, чтобы я отправлялся сюда на поиски.

— Нет, это ты просто жене надоел, вот и пытается она от тебя избавиться хотя бы днём.

Оба товарища звучно захохотали, а затем Шам Аз протянул безбородому привратнику пару монет.

— Нам сюда, — позвал толстячок, приглашая пройти в одну из корзин.

Дейан последовал за проводником, обменявшись взглядами со знакомым Шам Аза. Когда дверца, что служила одновременно и пандусом, поднялась, прикрыв одну из стенок корзины, толстячок подвязал удерживающую её в таком положении верёвку за специальный крюк.

— Бьюсь об заклад, ты никогда ещё не видел такого чуда инженерии, — корзину затрясло, а затем она начала медленно спускаться вниз на канате. — Что ещё может быть нужно для уставших путников, бродивших по горам, помимо такого приспособления?

Корзину иногда потряхивало, но она, на удивление, почти не раскачивалась.

— Лёгкой музыки, — ответил Дейан спустя полминуты.

Шам Аз на секунду задумался, а потом заговорил:

— Не думаю, что ездить каждый раз с музыкантами будет уместно. Лишний вес, знаешь ли. Быстрее перетирается канат.

Корзина опустилась вниз. Шам Аз опустил дверцу, и когда Дейан выбрался наружу, тот преградил страннику путь, показывая на саблю.

— Здесь нам не грозит опасность. Можешь убрать оружие под плащ. Самое страшное, что с нами может случиться, так это уличные карманники, но у нас есть для них свои методы наказания.

Мужчина не сдвинулся с места, показывая всем своим видом, что эта процедура обязательна, и дальше им с оружием в руках пути не будет. Поэтому Дейан прицепил свой клинок к поясу, укрыв его как велено, и тогда они продолжили путь, перебирая ногами в шумном и пахучем потоке людей по узким улочкам цветущего города в зелёной долине.

Пока Дейан, добив изувеченных мали, возвращался к одной из башен у врат города, не забыв вернуть свой кинжал и плащ, разъярённый Аравад сыпал руганью в небеса и раскидывал серебряную посуду у себя в шатре. Выплеснув все эмоции, великий царь выбрался наружу и, забравшись на своего белого мали, поскакал на передовую, чтобы встретиться с Абу Манзи.

Солдаты дружно расступались перед своим владыкой, и, вскоре, выйдя за первую шеренгу, он увидел семерых скакунов, возвращающихся в строй. Все они были без наездников за исключением последнего, что тащил на своей спине, залитой уже засохшей кровью, тело одного из воинов Каралла.

Аравад был вне себя от гнева, и не только потому что какой-то бродячий пёс только что нарушил его коварный план, но и по причине того, что он задержал всё его войско на подступе к одной из самых важных стратегических точек континента. Такого оскорбления владыка

Санкри-Борум не мог выдержать, хотя и старался как можно менее явно проявлять свои разгоравшиеся эмоции.

Подойдя к старому генералу, Аравад процедил сквозь зубы:

— Возьми батальон солдат и сотри эти врата вместе с бродягой с лица земли.

Генерал продолжал смотреть на вернувшихся мали и чётко ответил на приказ царя:

— Боюсь, что это будет неразумно, мой Царь.

От такого высказывания глаза Аравада расширились, а сам он придвинулся ближе к Абу Манзи, чтобы его слова мог услышать только военачальник.

— Ты смеешь перечить моему приказу, старик? — угрожающе прошипел он.

Манзи, наконец, повернулся и уважительно посмотрел на своего владыку.

— Никоим образом, мой Царь, — отозвался генерал, — Только высказываю свою озабоченность в связи с вашей пламенной речью.

Аравад непонимающе взглянул на старого вояку.

— Вы заявили, что первым войдёте в город, и подарите его вашим славным воинам. Если я проведу в него целый батальон без вас во главе, то люди могут решить... — Абу Манзи оглянулся по сторонам, а затем наклонился к правителю, заканчивая фразу шёпотом, — ...что вы не держите своё слово.

Нездоровый огонь разыгрался во всё ещё широко распахнутых глазах Аравада.

— Да кому какое дело, что я сказал в своей речи? — едва ли не рыча, проговорил он.

— Мой Царь, простые солдаты могут и забыть, что вы обещали, а вот знать будет помнить каждое слово. Многие из них желают урвать лакомый кусочек города, и сейчас, когда вы пообещали им эти дары, они с нетерпением ждут их.

Аравад громко выдохнул.

— И я вручу им заслуженное, но сначала нужно захватить этот проклятый город.

— Я согласен, но вы должны первым войти в него, как и было обещано. Если даже не сейчас, то потом это вылезет наружу, когда хажам будет выгодно. А вы сами прекрасно понимаете, что такие разговоры могут привести к... — Манзи не стал заканчивать предложение. По лицу царя он догадался, что тот отлично понимает, о чём шла речь.

— Прекрасно. Прикажи батальону выступать, я сам возглавлю его.

Манзи лишь покрутил головой.

— Это будет опрометчиво.

Глаза Аравада снова разгорелись, и генерал тут же пояснил:

— Этот воин, кто бы он ни был, не так прост, как кажется. Он играючи справился с опытными

бойцами вашего кузена, сделав из этого представление. Он не только показал, что не боится вашей армии, но и сам хочет внушить ей страх.

Аравад задумался над словами, а старый генерал тем временем продолжил:

— Он не станет сражаться с целым батальоном в открытом поле. Будет выгоднее занять позицию за воротами, чтобы не быть окружённым, и биться в узком проходе с гораздо меньшим количеством людей за раз. А так как войти в город должны сначала вы...

Великий Царь усмехнулся:

— Ты говоришь так, словно он действительно собирается сражаться против наших пяти тысячи воинов?

Абу Манзи снова устремил свой взор в сторону врат.

— Он уже вышел против них, — брови и лоб седовласого воина не переставали напрягаться, — И кто знает, что ещё припасено у этого дьявола в мешке.

Дейан тем временем подобрался к левой башне, возле которой оставил свой мешок с чёрным мечом, щиты и короткий лук. Он поковырялся в котомке, и вытащил оттуда небольшой бутылёк с зелёной жижей и тёмно-синюю квадратную металлическую коробочку с белыми символами на каждой из сторон. Последнюю он отложил в сторону, вооружившись луком. Пробку из бутылка он вытащил зубами, а потом принялся аккуратно смачивать тетиву его содержимым, стараясь не проливать ничего лишнего. Он закупорил сосуд, когда с делом было покончено, и, не дожидаясь пока, натянутая как струна, жила высохнет, принялся ударять по ней пальцем. Жижка на тетиве заиграла на свету, переливаясь всеми цветами радуги, а в воздухе был слышен причудливый звон, как от неизвестного доселе музыкального инструмента.

Когда звучание перешло в высокие тона, от которых начинало резать слух, Дейан подхватил одну из стрел, что лежала на земле. Он взглянул на коробочку с символами и, буркнув, принялся произносить фразу:

— Дорсэй Милани Аменахт Шурду.

Верхняя грань коробочки распахнулась наружу, словно бутон цветка. Странник отправил наконецник стрелы внутрь, проткнув что-то, отдалённо напоминающее сгнивший гриб, а затем, не теряя времени, приложил древко к оружию и нацелился в небо в направлении огромной армии.

Он спустил тетиву. Вокруг раздалось невообразимое жужжание, отголоски которого донеслись до первой шеренги войска. Маленький лук сумел послать стрелу на сотни метров, благодаря чудесной жидкости, и теперь грозный наконецник, поддавшись гравитации, начал опускаться вниз далеко за передовым шеренгами Аравада.

Люди, услышавшие странный звук, заметили в небе летящего чёрного посланника. Среди них были и царь с генералом. Стрела вонзилась в землю посреди плотно стоящих друг к дружке солдат, но никого не задела. Воины вокруг неё принялись хохотать, удивляясь жалкому подобию нападения. Аравад же, в свою очередь, не удержался от более грозного ответа.

— Лучники! По моей команде! — закричал он.

Ближайшие офицеры отдали приказания, после чего послышался гул боевых горнов, что

служили средством корректировки боевых действий на поле боя.

— Мой Царь, не стоит тратить на...

— Пли! — вымещая своё недовольство, заорал Аравад.

Почти что синхронный залп привёл к тому, что итак темнеющее небо возле врат сейчас было почти полностью чёрным. Дейан поднял оба круглых щита, наложив один на другой, и прикрылся ими, защищаясь от нескольких сотен острых жал.

Аравад выхватил подозрную трубу у генерала и принялся поглядывать на усеянное оперёнными чёрными цветами место перед башней. Он не заметил никакого движения и уже начал радоваться своему решению, как вдруг, откинув щиты в сторону, из-под чёрных стеблей показалась не менее чёрная фигура. Недовольный царь вернул трубу владельцу.

— Что ты предлагаешь мне, Абу? — поинтересовался Аравад, сменив свой тон на учтивый.

— Солдаты провели в пути почти весь день. Уже темнеет, и мы можем пока устроить стоянку здесь.

Аравад снова недовольно взглянул на генерала.

— Встать прямо перед городом, когда он только и ждёт, чтобы мы вошли внутрь как победители?

— Мы скажем, что из города на переговоры отправили послов с просьбой рассмотреть условия их капитуляции. Обсуждение может затянуться на всю ночь, что даст армии время передохнуть. А мы, тем временем, разработаем план нападения, который не поставит ваше высочество в неловкое положение.

Аравад пригляделся к генералу, словно оценивая его план. А затем кивнул.

— Хорошо. Прикажи войску встать лагерем. И поразмышляй над стратегией. Но не тяни слишком долго. Завтра мы должны войти в город.

С этими словами Аравад удалился обратно в свой шатёр, а Абу Манзи принялся отдавать указания.

Солдаты стали рассредоточиваться по местности, выстраивая наспех палатки для ночлега. Никто из них не обращал внимания на торчащую посреди огромного лагеря стрелу, от которой в разные стороны уже разошлись крохотные канавки. Гриб, нанизанный на острие, ушёл в песок, и из него, после удара о землю, начали выползать мелкие насекомые, едва уловимые для глаза. Эти букашки стали расходиться всё дальше и дальше, попутно забираясь в сапоги и одежду ничего не подозревающих бойцов.

К тому времени, как солнце скрылось за горизонтом, с полтысячи солдат уже почёсывали натёртые, как им казалось, продолжительным маршем стопы и промежности.